

Семитко, А.П. О приоритете прав и свобод человека как правовом принципе либерализма в российской и зарубежной литературе // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург, 2017. Том 17. Вып. 1, с. 83–105.

УДК 342.4

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.1.83105

О ПРИОРИТЕТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА КАК ПРАВОВОМ ПРИНЦИПЕ ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Алексей Павлович Семитко

доктор юридических наук, профессор,
декан юридического факультета,
заведующий кафедрой публичного права
Гуманитарного университета (г. Екатеринбург),
приглашенный профессор университета
Париж-Запад (Франция), г. Екатеринбург.
E-mail: asemitko@mail.ru

Материал представлен в редколлегию 13.09.2016 г.

В статье рассматривается отношение к концепции приоритета прав и свобод человека как важного правового принципа либерализма в российской и зарубежной юридической литературе и конституционном законодательстве. Критически анализируется подход, отвергающий наличие данной концепции в рамках либеральной теории, а также отрицающий высшую ценность или приоритетность прав и свобод человека в целом, то есть и в теории, и на практике. Обсуждается понимание мировых стандартов демократии и либерализма в российской и зарубежной литературе. Отмечается, что идея приоритета прав человека заложена в фундамент либерализма и связана как с достоинством и свободой личности, так и с другими идеями, например идеями естественного права, правового государства и верховенства права.

Подчеркивается, что приоритет прав человека не имеет ничего общего с абсолютизацией и гипертрофией этих прав. Последние противопоставляются не интересам общества, а полномочиям государственного аппарата. Если отрицать или даже просто не защищать приоритет прав человека, то не остается ничего другого, как утвердить приоритет государственной власти и ее представителей – государственных служащих. Любая государственная власть, в том числе и демократическая, должна быть ограничена правами человека, которые и оказываются в таком случае выше, важнее и приоритетнее ее. Государство – это средство для защиты прав человека, которые, будучи целью (И. Кант), являются главным, ведущим, приоритетным началом в этой паре категорий. Средство, хотя оно и крайне необходимо для достижения цели, всегда есть нечто вторичное, подчиненное, обладающее порой, как в случае с государством, значительной силой, от которой нужно защищать отдельного индивида, что и полагает одной из своих задач либерализм. Либерализм говорит о первичности индивида по отношению именно к государству, а не к обществу, что часто путают в российской литературе, когда критикуют формулу о приоритете прав человека перед государством, приписывая ей то, что она противопоставляет индивида обществу, а не государству. Государственная власть, даже демократическая, не выполняет свою миссию по защите прав человека автоматически: гражданское общество должно быть достаточно зрелым, чтобы стимулировать эту деятельность государства.

Рассматривая отношение Запада к идее прав и свобод человека и их приоритетности, автор поясняет, почему об этой идее сегодня не говорят там так много, как, например, в российской политико-правовой литературе.

Ключевые слова: приоритет прав человека; права и свободы человека; либерализм; демократия; государство; личность и государство; правовое государство; конституционализм.

Западная и восточная (и российская в ее составе) культуры, в том числе политические и правовые их подсистемы, всегда отличались друг от друга. Различаются они и сегодня. Несмотря на сходство конституционных формулировок о правах человека в праве западных государств и аналогичных им положений, которые появились недавно в праве России, отношение к ним в этих политико-правовых системах остается по-прежнему не одинаковым. Рассмотрим это на примере одного из центральных положений как нашего, так и западного конституционного права – о приоритете прав и свобод человека.

В последнее время стали появляться публикации, отрицающие высшую ценность или приоритетность прав и свобод человека в правовой системе, а в некоторых случаях звучит также еще и критика либерализма как учения, которое якобы никогда не декларировало подобные идеи (о приоритете прав человека). Подобного рода позицию разделяют как представители других цивилизаций (исламской в первую очередь, азиатской и некоторых других), так и, к сожалению, ряд российских ученых. О.В. Мартышин, например, ссылаясь на исключительно важное наблюдение К. Леонтьева о свойстве нашего национального сознания «во всем доходить до крайностей», пишет: «Возникают своего рода эксцессы, абсолютизация какого-то одного принципа. Хронологически первым таким эксцессом было очень популярное до сегодняшнего дня среди теоретизирующих юристов утверж-

дение «приоритета прав человека» [Мартышин 2013: 40]. Действительно ли ситуация складывается таким именно образом, доходя порой даже до эксцессов и абсолютизации отдельных положений и принципов, как пытаются представить ее указанный автор, либо его утверждения можно рассматривать в качестве заблуждения и (или) явного преувеличения?

1. Является ли утверждение приоритета прав и свобод человека ошибочным пониманием мировых стандартов демократии и либерализма? Термин «эксцесс», которым оперирует О.В. Мартышин, юристам известен особенно хорошо; он означает крайнее проявление чего-либо, обычно нарушающее норму, нормальное развитие. Происходит данный термин от латинского слова со значением «выход, уход; отступление; уходить, уезжать»; в итоге мы получаем уход от нормального положения дел. В теории это означает непростительную ошибку, глубокое заблуждение. И действительно, в завершение приводимых доказательств правильности своей позиции автор полагает более разумным признать, что «лозунги приоритета прав личности и человекоцентристской системы свидетельствуют об ошибочном и наивном понимании либерализма и мировых стандартов посттоталитарным сознанием» [Мартышин 2013: 41]. Автор безапелляционно утверждает, что «приоритет прав человека вовсе не является мировым стандартом демократии или либерализма. Он представляет собой продукт больного политического сознания, воспитанного тоталитаризмом, строящегося на его отрицании и не способного выйти за рамки противоположностей. Если тоталитаризм приносит человека в жертву государству, то посттоталитарный российский либерализм предлагает другую крайность: он готов государство принести в жертву человеку» [Мартышин 2013: 40].

Нельзя согласиться с указанными утверждениями автора по самым разным и очень многим основаниям. Самое простое и очевидное состоит в том, что приоритет прав человека как раз и является лакмусовой бумажкой (или «мировым стандартом»), главнейшей отличительной правовой чертой идеологии либерализма (или концентрированным юридическим выражением ряда его важнейших положений – принципа индивидуализма, требования уважения достоинства человека, его прав и свобод, верховенства права, ограниченного правительства и т.д.) и основанных на этой идеологии западной демократии и конституционализма в целом, – чертой, которая кардинально отличает эти научные понятия и соответствующие им общественные явления от восточного деспотического авторитаризма, то есть от политического режима, который базируется на утверждении приоритета государственных интересов, поскольку они якобы выражают (а не подменяют собой, что имеет место на самом деле) общее благо. Причем в подавляющем большинстве случаев, как показывает история, приоритет государственных интересов, замещая собой общее благо, наносит ущерб человеческому достоинству и правам человека, ибо выше всего он ценит достоинство и права обожествляемого или восхваляемого правителя и (или) узких слоев правящей олигархии – и порой настолько узких, что состоят они лишь из ближайшего окружения правителя. В научной литературе давно и очень верно подчеркнуто, что «вся история конституционализма, по

крайней мере со времен Джона Локка, является, по сути, историей либерализма» [Хайек 2006: 230] и, следовательно, общей историей двух близких феноменов, нацеленных – каждый по-своему и своими средствами: один – на обоснование ограничения, а другой – на правовое регулирование (в том числе и прежде всего на ограничение) государственной власти и оба – на защиту прав и свобод человека.

Уже в 1835 г. А. Токвиль, характеризуя особенности демократии в Америке – ее плюсы, минусы, идеалы, проблемы и будущие угрозы, писал: «После того, как большинство осознало свое существование и свою силу, все власти получают свои полномочия от него. Но и само большинство не всемогуще. Над ним **возвышаются моральные принципы, такие как человечность, справедливость, разум, и признанные обществом политические права людей**. Большинство признает эти границы, и если ему и случается выходить за них, то это потому, что оно, как вообще люди, склонно поддаваться страстям и творить зло, хорошо понимая, что такое добро» [Токвиль 1992: 285] (выделено мной. – А.С.). Итак, высшая представительная власть в государстве, которая сама формирует все иные органы государственной власти, ограничена, ибо над ней *возвышаются моральные принципы и права людей* (в то время речь шла о первом поколении прав человека – личных и политических). Разве это не выражение, по самому своему смыслу, идеи приоритета прав человека над государственной властью, которые, по мнению А. Токвиля, должны быть *выше, важнее, приоритетнее* какого бы то ни было мнения большинства, формирующего власть в государстве? Во второй книге «Демократии в Америке», опубликованной в 1840 г., автор предупреждает: если власть большинства станет абсолютной и не будет подчиняться моральным принципам и политическим правам граждан, то люди столкнутся с новой логикой рабства, когда вместо единовластного деспота они получают деспота коллективного, и «что касается лично меня, – пишет А. Токвиль, – то, ощущая на своей голове тяжелую десницу власти, я мало интересуюсь конкретным источником моего угнетения и отнюдь не более расположен подставлять свою шею под хомут лишь потому, что мне протягивают его миллионы рук» [Токвиль 1992: 324]. Другими словами, любая власть, в том числе и демократическая, должна быть ограничена правами человека, которые оказываются в таком случае выше, важнее, приоритетнее ее.

Практически в самом начале своих лекций, прочитанных в университете Вирджинии в 30-х гг. XX в., Д. Дьюи подчеркивает, что философия раннего либерализма «...исходит из *первичности индивида по отношению к государству* – и не только во временном, но и в моральном аспекте... И только во второй половине XIX в. возникла мысль о том, что государство может и должно быть *инструментом* сохранения и расширения свобод личности. Намеки на этот позднейший аспект либерализма, пожалуй, содержатся уже в тех статьях нашей Конституции, которые наделяют Конгресс полномочиями по обеспечению «общественного благосостояния», а также безопасности общества» [Дьюи 2000: 334] (курсив мой. – А.С.). Хотелось бы обратить внимание читателей на то, что Д. Дьюи говорит о *первичности индивида по*

отношению именно к государству, а не к обществу, что часто путают в российской литературе, когда критикуют формулу о приоритете прав человека перед государством, приписывая ей то, что она якобы противопоставляет индивида обществу, а не государству [Мартышин 2013: 40-41], о чем коротко будет сказано еще раз ниже.

Принцип приоритетности прав и свобод человека в соотношении с деятельностью госаппарата прежде всего по смыслу, а не по тому или иному буквальному его наименованию является общепризнанным и настолько общим местом в западной гуманитарной литературе и социальной практике, что отрицать его можно лишь при отсутствии каких-либо даже минимальных представлений об указанной литературе (как прошлой, так и современной) и соответствующей практике западных стран либо (при наличии таких представлений) их полном игнорировании. Однако каковы в таком случае теоретические способы опровержения указанного выше заявления О.В. Мартышина? Составить еще одну хрестоматию или антологию [см., напр.: Абрамов, Габитова, Федорова 1995; Абрамов 2000; Классический французский либерализм 2000] из трудов мыслителей либерального направления, где они утверждают идею свободы и достоинства личности, идею естественных прав человека и его – индивида – высшую ценность и непреходящую важность, а также приоритетность (по смыслу и не обязательно употребляя каждый раз слова «приоритетность», «высшая ценность» и т.д.) указанных прав перед государственным аппаратом и заботами чиновничества, которые и существуют прежде всего для того, чтобы защищать права граждан?

В либеральной доктрине постулируется, что государство – это не цель, а средство в сравнении с человеком и создается оно для того, чтобы защищать человека и его права: указанная защита – основная функция государства, а потому у него не может быть каких-то иных, «своих» и тому подобных, более важных, задач и предпочтений. Так, Д. Боуз говорит о триумфе, одержанном в США (классическим) либерализмом, основанным на правах. «Локк, Джефферсон, Мэдисон и аболиционисты заложили в основу права и привили общественному мнению фундаментальное правило: функция правительства – защищать права» [Боуз 2004: 99, 28-29, 71, 136, 142, 159, 211-212, 249, 281, 309 и др.]. Классик либерализма Л. Мизес писал в свое время: «Задача государства, как видит ее либерал, заключается единственно и исключительно в гарантировании защиты жизни, здоровья, свободы и частной собственности от насильственных нападений. Все, что идет дальше этого, является злом. Правительство, которое вместо выполнения этой задачи стремится зайти так далеко, что фактически посягает на личную безопасность жизни и здоровья, свободу и собственность, будет, разумеется, отрицательным явлением. В любом случае, как говорит Якоб Буркхардт, власть сама по себе есть зло, неважно, кто ее осуществляет. Она имеет тенденцию развращать тех, кто ею обладает, и ведет к злоупотреблениям. К крайностям склонны не только абсолютные монархи и аристократы, но и широкие народные массы, в руки которых демократия передает высшую государственную власть» [Мизес

2007: 77-78; см. также: Дьюи 2000: 333-334]. Государственная власть, как показывает вся ее история, не выполняет свою миссию по защите прав граждан автоматически – ее служителей, чиновничество и весь аппарат в целом приходится к этому постоянно «призывать», «принуждать» или, точнее, направлять, что далеко не простая задача, справиться с которой более или менее удовлетворительно может лишь зрелое гражданское общество, и поэтому прав был Гвидо де Руджеро, когда писал: «...эффективная правовая защита индивидов от властей и капризов органов управления есть свидетельство гражданской зрелости народа» [Руджеро 2000: 236]. Наконец, выполнение так называемых общих дел государством тоже ведь осуществляется для того, чтобы защитить человека, его права и свободы, которые и являются целью государственной деятельности. Джон Локк подчеркивал, что люди для того и создают государство, чтобы оно защищало их права (он говорил о праве собственности, куда включал жизнь, свободу и владение) [Локк 2014: 347-348]. В. Гумбольдт отмечал, что государство создано «...для человека, а не человек для государства; государственное устройство не есть само по себе цель, оно является только средством для развития человека» [Гумбольдт 2009: 267-268]. Таким образом, государство – это средство для защиты прав человека, которые, будучи целью, являются главным, ведущим, приоритетным началом в этой паре категорий. Средство – это, безусловно, важное *обстоятельство*, крайне необходимое для достижения цели, но оно всегда есть нечто вторичное, подчиненное, обладающее, однако, как в случае с государством, значительной силой; от этой силы и нужно охранять отдельного индивида, что полагает одной из своих задач либерализм, который, как отмечал еще Г. Спенсер в своей книге «Личность и государство»¹, «...обыкновенно защищал свободу личности против принудительного действия государства» [Спенсер 2007: 6]. Здесь классический либерализм и вслед за ним современная его версия – либертарианство [Боуз 2004: 109] – прямо восходят к кантовскому положению о том, что человек есть цель сам по себе [Кант 1966: 469].

Если государство – это средство, а человек и его права – цель [Антисери, Мальцева 2006: 4, 6, 85], то разве не понятен ответ на вопрос о том, что является приоритетным в этой паре категорий и соответствующих им явлений: государство или права человека? И на каком тогда основании можно отрицать приоритет последних перед государством?

Либеральная идея зародилась в эпоху Просвещения как противопоставление свободы и естественных прав человека произволу государственной (монархической) власти, как необходимость ограничения последней для защиты отдельного индивида. «Вся история конституционализма, – отмечал Ф. Хайек, – по крайней мере со времен Джона Локка являющаяся, по сути, историей либерализма, была наполнена борьбой против позитивистской концепции суверенитета и родственной концепции всемогущества государства» [Хайек 2006: 230]. Необходимость строгого ограничения

¹ Кстати, буквальный перевод английского названия этой книги «Man versus the State» как «Человек против государства» намного лучше отражает ее суть, чем предложенное переводчиками очень широкое название «Личность и государство».

такого всемогущества и вообще «всякой принуждающей или исключительной власти» современные теоретики либерализма обосновывают дополнительно еще и новыми, гносеологическими аргументами, на которые ранее обращалось достаточного внимания и которые вытекают из факта осознания «...ограниченности индивидуального знания и из того факта, что ни один человек или небольшая группа людей не могут знать всего...» [Хайек 2000: 397]. В другом месте Ф. Хайек отмечает, что «эффективное ограничение власти – важнейшая проблема поддержания общественного порядка. Без правительства невозможен порядок, но задача правительства состоит лишь в том, чтобы защитить людей от насилия. Но как только правительство захватывает ради этого монополию на принуждение и насилие, оно само становится главной угрозой индивиду. Ограничение власти было великой целью основателей конституционных правительств в XVII и XVIII вв. Но эти усилия были, по существу, оставлены, поскольку сложилось ошибочное убеждение, что демократический контроль над властью достаточен для ее ограничения» [Хайек 2006: 449].

Либерализм боролся не против общества, но – против всемогущества и абсолютизации государства, неизбежно покушающегося на права и свободы индивидов, которые в данном соотношении и рассматриваются либерализмом в качестве высшей, подлежащей приоритетной защите ценности. Как можно изъять это – одно из центральных – положение данного учения, не уничтожив саму либеральную идеологию?!

Ведущие постулаты конституционализма не изменились и в XXI в. Так, авторы фундаментального сравнительно-правового исследования конституций нашей современности в главе под характерным названием «Права человека как высшая конституционная ценность» напоминают, что «сама идея конституции как основного закона (законов), устанавливающего порядок обретения и осуществления публично-властных полномочий, производна от представлений об ограниченности (связанности) государственной власти правом подвластных» [Чиркин 2011: 116-117]. Последние, исходя из данного постулата, должны иметь приоритет относительно публично-властных полномочий, ограничивая их в определенном отношении. Авторы монографии «Институты конституционного права» отмечают, что «основным и важнейшим институтом конституционного права Российской Федерации, без сомнения, является институт прав и свобод человека и гражданина. Таковым он является в большинстве современных обществ. По его содержанию, значению и месту в правовой системе государства можно судить о *степени зрелости права, гражданского общества, законодательства* в целом... Этот институт в разных правовых системах может иметь разное наполнение. Но ценность его для государства и каждого члена общества всегда находится на **приоритетном** месте» [Андриченко, Постников 2011: 64-65] (выделено мной. – А.С.). Замечу, что подобного рода констатаций и оценок в российской литературе – бесконечное множество.

Либерализм – это совокупность целой группы идейно-политических течений [Степин, Семигин 2010: 393-395; Dictionnaire des idées 2005: 462],

прошедших с XVII–XVIII вв. серьезную эволюцию [Мельвиль 2002: 538–539]. И ставить в упрек современному либерализму его недоверие или враждебность (в том числе теоретическую или иную, действительную в тех или иных случаях, но чаще вымышленную его критиками) к государству, которые характерны для эпохи зарождения и самых ранних этапов этой идеологии, вряд ли уместно. Даже если у раннего либерализма и была эта теоретическая или иная враждебность по отношению к государству, то она преодолена вполне либерализмом современным [Валлерстайн 2003: 99–100]. Впрочем, не все теоретики данного направления общественно-политической и правовой мысли соглашались с тем, что это отношение было враждебным. Так, один из классиков указанного направления, Л. Мизес, пишет, что «объяснить, как люди могли зайти так далеко, чтобы упрекать либерализм во “враждебности и неприязни к государству”, можно, только если находиться под сильным влиянием философии Гегеля, возводившей государство в ранг божественной сущности» [Мизес 2007: 56]. Другой не менее авторитетный мыслитель, П.И. Новгородцев, в речи по поводу кончины Б.Н. Чичерина обращает внимание на его тезис о том, что «истинный либерализм состоит не в отрицании государственных начал», а в правильном сочетании свободы с законным порядком [Новгородцев 2000: 576]. Р. Арон пишет, что «либерализм – это концепция, относящаяся к ограничению власти...» [Арон 2005: 101], а также что государство не должно посягать на основные права и основные свободы и тогда общество, соблюдающее данные права, считается свободным. В этом отношении права человека и являются приоритетными, потому что они стоят выше власти, ограничивают ее.

Однако при наличии самых различных философских и иных оснований главной осью как прошлых, так и в особенности современных дискуссий внутри «семейства» многочисленных разновидностей либеральной идеологии является подход к следующей проблеме: «...должен ли либерализм в качестве своей главной цели стремиться к “ограничению принуждающей власти любого правительства” (Ф. Хайек) или это вопрос второстепенный, решаемый в зависимости от того, как либерализм справляется со своей важнейшей задачей – “поддержанием условий, без которых невозможна свободная практическая реализация человеком своих способностей” (Т. Грин). Суть этих дискуссий – отношения государства и общества, роль, функции и допустимые масштабы деятельности первого ради обеспечения свободы развития индивида и свободного общежития людей» [Степин, Семигин 2010: 393]. Ответ юриста в обоих случаях одинаков: утверждение непреходящей ценности, важности и приоритета прав и свобод человека в отношениях с государственной властью, то есть «требование уважения со стороны государства и его равного отношения к любому индивиду» (Р. Дворкин) [Мельвиль 2002: 539]. Отказ от такого ответа и от соответствующего ему требования есть отказ от стремления к построению правового государства и цивилизованной демократии, что означает одновременное утверждение приоритета, то есть важности, ценности, и, наконец, абсолютизацию (об опасности

которой говорил уже А. Токвиль) полицейского, авторитарного государства. Третьего не дано!

2. Отношение Запада к идее прав и свобод человека. Для опровержения утверждения автора о том, что «приоритет прав человека» не является мировым стандартом демократии или либерализма, можно было бы сослаться и на современную зарубежную юридическую литературу, где говорится о важности прав и свобод человека, а также о необходимости их защиты от произвола государственной власти и т.д., то есть обо всем том, что означает, по сути дела, их первенство перед последней. Можно указать на тексты, где подчеркивается, что права человека стали «моральным горизонтом нашего времени (Робер Баденгер)» [Бенуа 2015: 9] или даже что «коронация прав человека является, несомненно, главным идеологическим и политическим фактом последних двадцати лет» (Gauchet) [цит. по: Бенуа 2015: 8], но такие тексты встречаются не так уж и часто, поскольку в западной литературе данная мысль уже давно стала общераспространенной, общепринятой и практически никем не оспариваемой; именно поэтому сегодня ее даже не считают нужным обсуждать или упоминать каким-то иным образом, когда в этом нет особой необходимости. Есть, разумеется, и исключения [Бенуа 2015], которые лишь подтверждают общее правило, однако критику (и критику или анализ этой критики [Lacroix, Pranchère 2016]) концепции прав человека вызывают, скорее, свойственные ей в последнее время гротесковые преувеличения, доходящие порой до абсурда, навязчивой одержимости и дающие обратный результат, парадоксально противоположный самой идее прав человека. Так, почетный профессор университета Пантеон-Ассас (Париж-II) Жан-Луи Аруэль опубликовал в мае 2016 г. книгу под названием «Права человека против народа» [Harouel 2016], в которой он показывает, что утрированное следование указанной концепции на практике, и особенно в условиях столкновения цивилизаций, оборачивается уничтожением западной идентичности и западной культуры в целом, в том числе, разумеется, культуры политической и правовой вместе с сердцевинной этой последней – концепцией и идеологией прав человека! Разумеется, автор не выступает против прав человека, однако он явно против тех тенденций и требований, которые с опорой на права человека ведут к уничтожению европейской цивилизации и самих прав человека в том числе [Harouel 2016: 9-13].

Если 150 или 200 лет назад идея прав и свобод человека была на Западе весьма и весьма актуальной, то сегодня она, став неотъемлемым фундаментом западной правовой и политической культуры, не требует уже ни доказательств, ни каких бы то ни было дополнительных пояснений или подтверждений, хотя, разумеется, она сама по себе и различные ее производные и нюансы (противопоставление свободы и прав индивида как ограничителей произвола государственной власти [Davidson 1993: 24; Baghestani-Perrey 2007: 23; Pontier 2007: 5; Dictionnaire des idées 2005: 463], выполнение указанным институтом функции ограничителя государственного могущества и одновременно цели его – государства – существования, а также роль прав человека как фундамента для создания и развития правового государства [Andriantsimbazovina et al. 2008: 264; Godin 2004: 727; Baghestani-Perrey

2007: 23] и т.д.) внимательно исследуются и отмечаются как в монографиях [Favoreu 2005: 17] и энциклопедиях [Andriantsimbazovina et al. 2008: 264; Alland, Rials 2003: 540-544, 649-651, 652-653; Dictionnaire des idées 2005: 463; Godin 2004: 727], так и в рассчитанных на студентов учебных пособиях [Baghestani-Perrey 2007: 23; Pontier 2007: 5].

Получается, таким образом, что в силу глубокого укоренения либеральной идеи и, в том числе, идеи прав человека в западном менталитете, в силу имеющейся здесь убежденности в победе этих идей во всемирном масштабе (понятно, что «убежденность» в победе и победа – не одно и то же и тем не менее) надо сильно потрудиться, чтобы найти в соответствующих теоретико-правовых исследованиях буквальное утверждение или даже упоминание (в противоположность тому, как это делается в нашей литературе и именно потому, что эта идея у нас пока совсем не укоренена и лишь недавно закреплена на конституционном уровне) такого привычного для них положения, как приоритет, высшая ценность или жизненная важность для западного общества прав и свобод человека. Примерно об этом и говорил французский интеллектуал Раймон Арон в своих лекциях для студентов Калифорнийского университета в Беркли (США) более полувека назад (в 1963 г.): поскольку данная идея там давно и весьма глубоко освоена, постольку **«на Западе основы формальных свобод и либеральной демократии теперь уже всерьез не обсуждаются...»** [Арон 2005: 45] (выделено мною. – А.С.). Примерно за 30 лет до «конца истории», провозглашенного Фрэнсисом Фукуямой как результат победы либерализма во всемирном масштабе, Р. Арон говорил о «конце идеологий» как полной, окончательной и очевидной победе либерализма в западной политико-правовой культуре, о том, что ни либеральные, ни демократические идеи «...не были ослаблены или исчерпаны в результате промышленного процветания, или, по крайней мере, таким не был диагноз, скрывающийся под формулировкой “конец идеологий”». Напротив, окончание идеологий означало повсеместное принятие этих идей, не вызывавших больше энтузиазма, поскольку они пользовались почти единодушным признанием» [Арон 2005: 55], и поэтому данные идеи и свободы (личные свободы, всеобщее избирательное право, конкуренция партий) «почти никем более не оспариваются» [Арон 2005: 119].

Итак, с одной стороны, имеют место привычность, очевидность и неоспоримость для людей западного общества либеральных и демократических идей, понимание ими важности и приоритетности прав и свобод человека и, как следствие, отсутствие необходимости их идеологического, ценностного (важны и нужны они или нет, то есть являются ценностью или нет) обсуждения (что не означает, конечно, что эти идеи нашли свое полное воплощение в жизни западного общества и поэтому уже не нужны ему вообще, так как у них здесь нет якобы никаких проблем), а с другой – безусловно присутствует понимание того, что их высшая ценность и приоритетность – это не синоним их абсолютизации и гипертрофирования: при необходимости права человека могут и должны быть ограничены, лицо может быть взято под стражу до судебного разбирательства, против него в указанных в законе случаях может быть применено огнестрельное оружие и т.д. и т.п.;

это ведь все – азбучные истины, доказывающие, что приоритет прав человека и базирующийся на нем персонцентристское общество, государство и право [Семитко 1996; Семитко 2002: Семитко 44-77; Семитко 2003: 224-252; 2009: 25-41] не претендуют на отсутствие всех и всяких ограничений данного института и на полную, то есть абсолютную, свободу индивида, которую ошибочно приписывает этим явлениям и выражающим их понятиям «приоритет» и «персонцентризм» наш уважаемый автор [Мартышин 2013: 41].

Идея приоритета прав человека перед волеустановлениями государственной власти (и претензиями ее представителей) имеет, на самом деле, гораздо более древние корни, чем утверждает О.В. Мартышин, приписывая ее рождение лишь периоду посттоталитаризма в России. Эта идея вырастает закономерно в рамках западной правовой традиции. Ее самые ранние истоки обозначились уже две с половиной тысячи лет назад, начиная с формулы софистов о том, что «человек – мера всех вещей», которая развилась позже в доктрину естественного права. Если в философии, по мнению некоторых авторов, в тех же временных рамках идет борьба между философией идеализма и философией материализма, то в юридической мысли – борьба позитивизма и юснатурализма (названия этих линий и сама по себе констатация указанных феноменов, разумеется, возникли позже). Один из ведущих российских теоретиков и методологов права, В.М. Сырых, рассматривая узловые вехи истории западноевропейской юридической науки, пишет: «*Основополагающий тезис теории естественного права о наличии естественных прав человека, имеющих **приоритет перед волеустановленным правом государства, и об обязанности государства следовать нормам естественного права*** послужил теоретической основой дальнейших революционных преобразований правовой науки, государственной власти и юридической практики» [Сырых 2012: 156] (выделено мной. – А.С.). (О фундаментальной проработке теории и истории естественного права см.: [Гаврилюк 2012; Михайлов 2010]; о приоритете права вообще и его превосходстве над политическими властями [см.: Берман 1994: 26-27 и др.].) Отрицать приоритет прав и свобод человека, как это делает наш уважаемый автор, – значит отрицать и идею правового государства, которая является еще одним краеугольным камнем современной европейской цивилизации, да и российской политико-правовой культуре не чужда тоже, о чем говорится уже в ч. 1 ст. 1 Конституции России [Марченко 2015: 129].

Идея приоритета прав и свобод человека, закрепленная в тексте российской Конституции, продолжает развиваться и уточняться в имеющих юридическую силу Конституции РФ решениях Конституционного Суда РФ; можно указать примерно три десятка таких его решений, в частности Постановления от 14.05.2015 г. № 9-П; от 22.04.2013 г. № 8-П; от 30.11.2012 г. № 29-П; от 09.07.2012 г. № 17-П; от 07.06.2012 г. № 14-П; от 19.07.2011 г. № 17-П; от 16.06.2009 г. № 9-П; от 03.02.2009 г. № 2; от 28.02.2008 г. № 3; от 23.12.97 г. № 21-П; от 13.06.1996 г. № 14-П; от 02.02.1996 г. № 4-П; от 31.07.1995 г. № 10; от 17.09.1993 г. № 17 и т.д., и еще примерно полтора десятка определений. Достаточно активен в этом отношении и федеральный

законодатель, который ссылается на указанное положение в ряде принятых им федеральных законов, начиная от одного из самых ранних, от 31.07.1995 г. № 119-ФЗ, утратившего силу в связи с принятием Федерального закона от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ, в котором, однако, указанный приоритет «сохранил свою силу» (пп. 1 ст. 4), и кончая более поздними актами и актуальными редакциями ранее принятых актов, например Основ законодательства Российской Федерации о культуре (эта идея закреплена и в первой, и в ныне действующей редакции от 21.07.2014 г. ст. 9 «Приоритетность прав человека по отношению к правам государства, организаций и групп» и т.д., и т.п.). Можно указать на целый ряд актов Президента РФ и федеральных органов исполнительной власти, актов регионального и муниципального уровня, а также решений Верховного Суда РФ, в которых ссылаются на указанный принцип и идею¹. Так, например, п. 1 утвержденных Президентом РФ «Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» недвусмысленно констатирует, что «развитие **правового государства**, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокой правовой культуры, без которой не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, **приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод**, обеспечение надежной защищенности публичных интересов» [Основы государственной политики... 2011: 1] (выделено мной. – А.С.).

Депутаты, судьи, Президент РФ, иные представители государственной и муниципальной власти, одним словом, вся политико-правовая элита России – тоже «продукт большого политического сознания, воспитанного тоталитаризмом»? Не проявляется ли в таких удивительных оценках О.В. Мартышиным идеи приоритета прав человека одно из свойств нашего национального сознания – «во всем доходить до крайностей»?

А как быть с коллегией Суда Европейского союза, члены которой тоже ссылаются на такой принцип (и идею), как приоритет прав и свобод человека перед государством (точнее, государствами) и иными структурами в своих решениях? У них-то откуда взялось большое политическое сознание, «воспитанное тоталитаризмом»? Возьмем для иллюстрации судебные решения по делу включенного в санкционные списки соответствующими структурами Совета Безопасности ООН Яссина Кади. Проанализировав указанные решения, А.С. Исполинов пишет: «Итак, решения Суда ЕС весьма серьезно поколебали представление об аксиоматичности и даже о некоем сакральном характере ст. 103 Устава ООН, которая говорит о приоритете для государств обязательств по Уставу ООН перед обязательствами по любым другим международным договорам. Суд ЕС продемонстрировал Совету Безопасности ООН, его постоянным членам, другим государствам, международным и национальным судам, а также общественным организациям и частным лицам, что **соблюдение международных норм о защите прав че-**

¹ Не вижу смысла «утяжелять» сноски, ибо все это можно легко найти в соответствующих справочных правовых системах, набрав в поисковой строке словосочетание «приоритет прав человека».

ловека выше обязательств, вытекающих из Устава ООН» [Исполинов 2013: 35] (выделено мной. – А.С.).

Наконец, тем, кто отрицает приоритет прав и свобод человека, приписывая его защитникам «ошибочное и наивное понимание либерализма и мировых стандартов демократии», было бы очень полезно еще раз прочитать конституции западных демократических государств, хотя бы их преамбулы и (или) первые статьи (первые разделы и т.д.), чтобы убедиться в том, что там везде закреплен в том или ином виде указанный приоритет и именно перед государством, правительством, властями, а не перед обществом или народом. Приоритет, важность, значимость прав и свобод человека и его достоинства выражаются также в том, что в указанных основных законах подчеркивается – в разных конституциях используются разные сочетания конкретных формулировок, но важен их смысл – священный, неотчуждаемый, неотъемлемый, естественный и т.д. характер упомянутых прав и в том, что они составляют основу всякого человеческого сообщества, социального мира, справедливости и политического порядка, а также что «забвение прав человека или пренебрежение ими являются единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств» [Маклаков 2002].

3. Приоритет не означает абсолютизации прав и свобод человека. Необходимо также уточнить, что «приоритет прав человека», который критикует В.О. Мартышин, и «готовность принесения государства в жертву человеку», на что затем ссылается указанный автор в своей критике первого концепта, – это принципиально разные явления с кардинально различающимися основаниями и последствиями, а именно: «принесение в жертву» (человека государству или государства человеку) означает **уничтожение** или как минимум явное **унижение, ограничение** свободы в смысле, близком к порабощению, одной из конфликтующих, противоборствующих сторон другой стороной, а приоритет одного перед другим означает **сосуществование и сотрудничество** их друг с другом, но в определенном порядке: кто-то «проходит» первым, а кто-то – вторым и, вполне понятно, только в тех противоречивых случаях и «местах», где «проход» для «двоих» субъектов ограничен, что, на самом деле, бывает не так уж и часто. Но, повторяю, оба субъекта – и человек, и государство – в последнем случае остаются целыми и невредимыми, не отменяются также ни их честь, ни достоинство, ни возможности нормального существования и эффективной деятельности каждого на своем участке или совместно там, где это требуется по ситуации и по строго определенным, закрепленным в правовом законе правилам.

История показала нам, что, когда «тоталитаризм приносит человека в жертву государству» (часть цитируемой выше фразы упомянутого автора), это приводит к незаконным репрессиям и массовым жертвам, к уничтожению десятков миллионов людей по социальным, национальным, религиозным и, в первую очередь, по идеологическим и политическим соображениям. Когда же российскому либерализму приписывается «впадение» в другую крайность (утверждение «он готов государство принести в жертву

человеку» противопоставляется утверждению «тоталитаризм приносит человека в жертву государству»), это означает плохо замаскированный намек на то, что российский либерализм выступает якобы за разрушение и гибель Российского государства или как минимум за потерю им своего суверенитета – одним словом, за уничтожение в конечном счете российской государственности как таковой. Если кто-то и вынашивает подобные планы и уже даже *готов* их осуществить (поскольку ничего близкого в истории либерализма не было и трудно даже такое помыслить, автор предусмотрительно говорит всего лишь о *готовности* либералов принести государство в жертву человеку), то научно понимаемый либерализм как прошлого, так и настоящего не имел и не имеет к этому абсолютно никакого отношения!

Доктрина либерализма, в том числе и идея приоритетности прав и свобод человека, никоим образом не приводит к необходимости уничтожения государства или нарушению его безопасности, территориальной целостности и суверенитета, то есть не требует принесения его в жертву либеральной, космополитической и эгоистической личности, готовой при первом же случае «продать» Родину врагу. Приписывать подобные интенции российским либералам даже посредством скрытых намеков и «подведения читателя под соответствующий вывод» – это именно то, о чем и писал К. Леонтьев, указывая на свойство нашего национального сознания «во всем доходить до крайностей». Ссылаясь на тоталитаризм, автор сопоставляет, но в скрытом виде, с одной стороны, известные всем ужасы фашистского и коммунистического его вариантов (которые не просто «приносили человека в жертву государству», а уничтожали людей в невиданных ранее в истории масштабах), а с другой – гипотетическое стремление, точнее, еще хуже, уже даже *готовность* либералов «государство принести в жертву человеку», то есть как минимум лишить Российское государство суверенитета, поставить его под власть правительств развитых западных либеральных стран. Думается, что О.В. Мартышин как раз сам и дошел в этом отдельном вопросе (а не во всем, как указано у К. Леонтьева) до крайности, подменив одну категорию – «принесение в жертву», то есть уничтожение или порабощение жертвы такого публичного диалога, другой категорией – «приоритетом», который предполагает сотрудничество и очередность в некоторых «узких» вопросах и «узких» социальных и правовых пространствах и практиках.

Необходимо пояснить, что О.В. Мартышин сказал только те слова, которые я процитировал выше. Он нигде и ничего не говорил прямо про желание или готовность либералов уничтожить Российское государство. Но дело в том, что определенная последовательность утверждений, подбор и очередность подачи аргументов, жесткие противопоставления, сравнения, намеки, создание «атмосферы», контекста и т.д. не оставляют читателю иного выбора, как сделать именно тот вывод, который я и представил выше. Дело в том, что в иных, гораздо менее теоретически тонких и гораздо менее научно фундированных выступлениях критиков либерализма ряд приведенных О.В. Мартышиным аргументов выдвинут прямо (а не косвенно, как у него) и завершается утверждениями о том, что либерализм ведет к уничтожению российской государственности, а его сторонников надо судить

как «врагов народа» (сегодня используется близкий по коннотациям и ассоциациям и потому практически синонимичный ему термин «иностранный агент»). Если О.В. Мартышин не стремился приписать либерализму такие «безобразия», то ему не стоило бы делать указанные выше противопоставления о перемене местами жертв в условиях тоталитаризма и либерализма и не стоило бы рассматривать вопрос в плоскости «кто – кого?», иначе сделанного мною вывода не избежать никому, а такой вывод абсолютно не соответствует ни теории либерализма, ни основанной на ней практике. Если же автор подразумевал какие-то иные эксцессы, имеющие место в истории и вытекающие из неудачных попыток кого-то ориентироваться на идеи либерализма, или, еще хуже, прямое искажение этих идей с целью их дискредитации и последующего уничтожения, то такого рода отклонения выходят за рамки самой идеи и, более того, они часто антагонистичны ей – на то они и эксцессы. В качестве яркого примера такового можно привести, например, современный эксцесс «Либерально-демократической партии России», однако есть и иные политические и теоретические злоупотребления разного рода субъектов, которые приписывают либерализму несуществующие пороки либо паразитируют на самом этом термине или, как точнее, проще и очень эмоционально выразился по близкому поводу Ф. Хайек, просто «нагло присваивают себе это имя» [Хайек 2006: 213], поэтому Д. Боуз убедительно просит не «марать» слово «либерализм» ошибочным его употреблением [Боуз 2004: 317].

Итак, *приоритет* подменяется *жертвой*, а предполагаемое им сотрудничество – *уничтожением*, и затем *приоритет прав человека* критикуется за приписанные ему недостатки, которых он не имеет, и за следствия, которые из него не вытекают, а также за свойства и особенности, на которые он никогда не претендовал и к которым не имеет никакого отношения.

4. Права человека против полномочий государства, а не против интересов общества. Следующее основание, по которому нельзя согласиться с критикой идеи приоритета прав человека как необходимой и важнейшей составляющей идеи либерализма и соответствующих ему персонцентристского общества и государственно-правовой системы, заключается в том, что речь в последнем случае идет о способе разрешения конфликта между правами человека и полномочиями (правами-обязанностями) государственной власти, а не между правами человека и интересами общества, о чем говорит далее автор (что подлинный либерализм исходит из общего блага, из первенства общественного и ставит на первое место общество, а на второе – человека [Мартышин 2013: 40-41]), попусту сражаясь с указанной формулой об их приоритетности перед государством. В подобную же ловушку попадают и некоторые другие авторы, когда ошибочно противопоставляют права человека не обязанностям государства и его аппарата, что имеют в виду Конституция РФ и идеология либерализма, а общественному благу, интересам социума в целом. Так, в очень интересной, глубокой и уникальной по своей аргументированности, основательности и прочим позитивным научным характеристиками статье А.М. Арбузкина автор тем не менее совершает отмеченную ошибку,

когда пишет, что «видимо, недопустимо устанавливать приоритет прав и свобод человека над всеми иными социальными ценностями, и в первую очередь такими, которые выражают интересы всего СОЦИУМА (выделено автором. – А.С.). Однако кто же утверждает приоритет прав человека над «всеми иными социальными ценностями» и интересами «всего социума», всего общества? Об этом даже страшно подумать, ибо, как верно отмечает указанный автор, такой подход повлечет «...гибель всего общества, а с ним и человека!» [Арбузкин 2016].

Заметим, что Рональд Дворкин, автор «либеральной теории права», критикуя позитивизм и утилитаризм, говорит о «правах, которыми индивиды могут обладать как противовесом государству», а не как противовесом обществу и (или) общему благу [Дворкин 2004: 5-10]. Ведущий российский правовед С.С. Алексеев также очень точно говорил о возвышении прав человека именно над государственной властью, а не над обществом [Алексеев 2009: 117].

Противопоставление прав человека общему благу (интересам общества, социума, общественным ценностям и т.д.) строго юридически и невозможно, так как это – разные грани явления и его анализа и их нельзя смешивать, а именно: общее благо – пока оно не закреплено в законе, пока оно не выражено юридически – существует лишь как социально-политическое требование, как пожелание, совокупность ценностей, лозунгов и (или) программных установок каких-то социальных и (или) политических сил и движений. *Общее благо* должно быть сперва закреплено в законе – в тех или иных конкретных правовых предписаниях либо в принципиальных требованиях, выраженных, например, в таком правовом явлении и соответствующей ему категории, как «публичный порядок» [Вербар 2002: 4-22]. Если же возникают коллизии одних правовых предписаний, в которых отражено и, самое главное, конкретизировано некоторое *общее благо*, с другими юридическими предписаниями (с *правами человека*, например, что вполне возможно и встречается не так уж редко), то в «работу» вступают соответствующие судебные механизмы либо парламентарии вносят изменения в те или иные законодательные акты, то есть происходит уточнение, а при необходимости и ограничение каких-то прав и свобод человека либо уточнение, а при необходимости и юридическое ограничение *общего блага*, *общего интереса* и т.д. Противопоставление понимаемого по-разному разными социальными и политическими силами общего блага закрепленным в правовой системе правам и свободам человека есть не что иное, как пустопорожние «общие разговоры» или, точнее, содержащая подмену терминов демагогия, нацеленная исключительно на то, чтобы уничтожить права человека, подчинив их государству, которое якобы автоматически выражает в своей деятельности *общий интерес* и *общее благо*, ибо ведущие такие «разговоры» теоретики и (или) политики пытаются в этом логически не корректном противопоставлении навязать мысль, что в случае противоречия общего блага и эгоистического интереса отдельного индивида нельзя отдавать предпочтение последнему – пусть государство позаботится о своем народе в целом, а не о правах отдельного человека. Однако если мы можем согласиться, что общее

благо, по безусловному правилу, выше интересов отдельного индивида, то это совсем не означает, что при сопоставлении конкретизированных в праве феноменов мы должны делать вывод о приоритете полномочий и интересов государства перед правами человека!

Совершенно неясно также, в чем угроза Российскому государству, которое якобы может быть принесено в жертву человеку (но как это вообще возможно?!), если закон закрепляет обязанности госаппарата и провозглашает приоритетность или, буквально, *высшую ценность* человека, его прав и свобод, требуя от государства признания, соблюдения и защиты указанных прав и свобод [Конституция Российской Федерации 1993: 2]? Приоритетному праву человека корреспондирует приоритетная обязанность государства, то есть особое уважение и внимание государственных служащих к человеку, а потом уже к каким-то иным нуждам и потребностям, прямо, близко или непосредственно за которыми нет конкретного, индивидуально поименованного человека (ибо опосредованно, удаленно, «общественный человек», человек как абстракция стоит за всеми и любыми функциями государства, что не надо смешивать, конечно) и которые потому могут быть реализованы во вторую очередь и при этом так, чтобы не страдали права других людей. Часть 3 ст. 17 Конституции РФ устанавливает, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц», но права госаппарата в случае коллизии должны уступить правам человека, ибо последние обладают приоритетом перед первыми – вот в чем суть формулы приоритетности прав и свобод человека.

Что касается рисков причинения вреда общественным интересам при проведении принципа приоритетной защиты прав и свобод человека, то в Основном законе указываются достаточно обширные по объему и сферам охвата случаи изъятия прав и свобод человека из статуса их «приоритетности», то есть случаи ограничения их иными ценностями. В связи со сказанным обратимся к ч. 3 ст. 55 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Таким образом, права и свободы человека – это высшая ценность лишь в сравнении с государственным Левиафаном, а не с общественным благом, которому наш автор неправомерно пытается противопоставить права человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамов М.А. (ред.) 2000. О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М.А. Абрамов. М. : Прогресс-Традиция. 696 с.

Абрамов М.А., Габитова Р.М., Федорова М.М. (сост.) 1995. О свободе: Антология западноевропейской классической либеральной мысли / сост. М.А. Абрамов, Р.М. Габитова, М.М. Федорова. М. : Наука. 465 с.

- Алексеев С.С. 2009. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. 2-е изд. М. : Норма. 176 с.
- Андриченко Л.В., Постников А.Е. (ред.) 2011. Институты конституционного права / отв. ред. Л.В. Андриченко, А.Е. Постников. М. : Юриспруденция. 496 с.
- Антисери Д., Мальцева С.А. 2006. Принципы либерализма. СПб. : Пневма. 128 с.
- Арбузкин А.М. 2016. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью? // Конституц. и муницип. право. № 2. С. 18-25.
- Арон Р. 2005. Эссе о свободах. М. : Праксис. 208 с.
- Бенуа А. 2015. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. М. : Ин-т общегуманит. исслед. 144 с.
- Берман Г. 1994. Западная традиция права: эпоха формирования. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та. 592 с.
- Боуз Д. 2004. Либертарианство: история, принципы, политика. Челябинск : Cato Institute. 391 с.
- Валлерстайн И. 2003. После либерализма. М. : Едиториал УРСС. 256 с.
- Вербар К. 2002. Понятие публичного порядка во внутреннем праве России и Франции // Вестн. Гуманит. ун-та. Серия «Право». № 1 (3). С. 4-22.
- Гаврилюк Р.А. 2012. Методологическая традиция доктрины естественного права. Черновцы : Черновицкий нац. ун-т. 788 с.
- Гумбольдт В. 2009. О пределах государственной деятельности. Челябинск : Социум. 304 с.
- Дворкин Р. 2004. О правах всерьез. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). 392 с.
- Дьюи Д. 2000. Либерализм и социальное действие // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М.А. Абрамов. М. : Прогресс-Традиция. С. 331-384.
- Исполинов А.С. 2013. Суд Европейского союза, Яссин Кади и ст. 103 Устава ООН // Рос. юрид. журн. № 6. С. 27-35.
- Кант И. 1966. Сочинения : в 6 т. Т. 5 / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гульги, Т.И. Ойзермана. М. : Мысль. 564 с.
- Классический французский либерализм, 2000 : сборник / пер. с фр. М.М. Федоровой. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). 591 с.
- Локк Д. 2014. Два трактата о правлении. М. ; Челябинск : Социум. 494 с.
- Маклаков В.В. (сост.) 2002. Конституции зарубежных государств : учеб. пособие / сост. В.В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : БЕК. 592 с.
- Мартьшин О.В. 2013. Конституция и идеология // Государство и право. № 12. С. 34-44.
- Марченко М.Н. 2015. Правовое государство и гражданское общество. М. : Проспект. 648 с.
- Мельвиль А.Ю. (ред.) 2002. Категории политической науки : учебник для студентов вузов / под ред. А.Ю. Мельвиля. М. : МГИМО(У) МИД РФ, РОССПЭН. 656 с.
- Мизес Л. 2007. Либерализм. Челябинск : Социум. 344 с.
- Михайлов А.М. 2010. Идея естественного права: история и теория. М. : Юрилинформ, 2010. 460 с.
- Новгородцев П.И. 2000. Б.Н. Чичерин // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М.А. Абрамов. М. : Прогресс-Традиция. С. 575-579.
- Руджеро Г. Де. 2000. Что такое либерализм // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М.А. Абрамов. М. : Прогресс-Традиция. С. 220-294.
- Семитко А.П. 1996. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург : Изд-во Урал. юрид. акад. ; Изд-во Гуманит. ун-та. 314 с.

Семитко А.П. 2002. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Типы правовой культуры и этапы правового развития // Вестн. Гуманит. ун-та. Серия «Право». № 1 (3). С. 44-77.

Семитко А.П. 2003. Персоноцентристская правовая культура и уровень свободы в обществе: сравнение различных подходов // Коллизии свободы в современном обществе : материалы науч.-практ. конф. Гуманит. ун-та (15-16 мая 2003 г.). Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та. С. 224-252.

Семитко А.П. 2009. Концептуальное введение: Право, личность, права человека: персоноцентристский подход к праву и правовой культуре // Права человека : энцикл. словарь / отв. ред. С.С. Алексеев. М. : Норма. С. 25-41.

Спенсер Г. 2007. Личность и государство. Челябинск : Социум. 126 с.

Степин В.С., Семигин Г.Ю. (ред.) 2010. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 2 / рук. проекта: В.С. Степин, Г.Ю. Семигин. М. : Мысль. 634 с.

Сырых В.М. 2012. История и методология юридической науки. М. : Норма, ИНФРА-М. 464 с.

Токвиль А. 1992. Демократия в Америке. М. : Прогресс. 554 с.

Фукуяма Ф. 1990. Конец истории? // Вопр. философии. № 3. С. 134-148.

Хайек Ф. 2000. Индивидуализм – истинный и ложный // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М.А. Абрамов. М. : Прогресс-Традиция. С. 385-410.

Хайек Ф. 2006. Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов и политики. М. : Ирисэн. 644 с.

Чиркин В.Е. (ред.) 2011. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В.Е. Чиркин. М. : Норма. 656 с.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Рос. газ. 2011. 14 июля.

Alland D., Rials S. (gen. eds.) 2003. Dictionnaire de la culture juridique / sous la direct. de D. Alland, S. Rials. Paris : PUF. 1640 p.

Andriantsimbazovina J. et al. 2008. Dictionnaire des droits de l'Homme / sous la direct. de J. Andriantsimbazovina [et al.]. Paris : PUF. 1024 p.

Baghestani-Perrey L. 2007. Fiches de droits constitutionnel. Paris. 598 p.

Davidson S. 1993. Human Rights. Buckingham, Philadelphia : Open Univ. Press. 212 p.

Dictionnaire des idées, 2005. Paris : Encyclopédia Universalis. 908 p.

Favoreu L. (ed.) 2005. Droit des libertés fondamentales / coord. L. Favoreu. 3 éd. Paris. 685 p.

Godin C. 2004. Dictionnaire de philosophie. Paris. 1534 p.

Harouel J.-L. 2016. Les droits de l'homme contre le peuple. Paris : Desclée de Brouwer. 144 p.

Lacroix J., Pranchère J.-Y. 2016. Le procès des droit de l'homme. Gènèalogie du scepticisme dèmocratique. Paris. 344 p.

Pontier J.-M. 2007. Droits fondamentaux et libertés publiques. Paris. 622 p.

A. Semitko. O prioritete prav i svobod cheloveka kak pravovom printcipe liberalizma v rossiyskoy i zarubejnoj literature [On Priority of rights and freedoms of a person as legal principle of liberalism in Russian and foreign sources] // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 37-60. (in Russ.).

Alexey P. Semitko, Doctor of Law, Professor, Head of Public Law Chair, Dean of Legal Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg), Visiting Professor of Paris-Quest University (France).
E-mail: asemitko@mail.ru

Article recived 13.09.2016, accepted 01.11.2016, available online 01.04.2017.

ON PRIORITY OF RIGHTS AND FREEDOMS OF A PERSON AS LEGAL PRINCIPLE OF LIBERALISM IN RUSSIAN AND FOREIGN SOURCES

Abstract: The article is devoted to the attitude towards the concept of priority of rights and freedoms of a person as major legal principle of liberalism in Russian and foreign legal sources. The approach, which rejects availability of this concept within the liberal theory and denies the supreme value or priority of rights and freedoms of a person in general, i. e., in theory and practice, is critically analyzed. The understanding of international standards of democracy and liberalism in Russian and foreign sources is discussed. It is indicated that the idea of priority of human rights lies in the basis of liberalism, and it is connected both with advantage and personal freedom, as well as with other ideas, for example, the ideas of natural rights, constitutional state, and supremacy of law. It is emphasized that the priority of human rights has nothing in common with the absolutization and hypertrophy of these rights. The later contradicts not the interests of society, but the powers of state apparatus. If to deny or – what is even simpler – not to protect the priority of human rights, then there is nothing else to do then to approve the priority of the government and its representatives – government employees. Any type of government including democratic one shall be limited to human rights, which in that case are higher, more important, and prior. The state is a mean of protection of human rights, which being the purpose (I. Kant), are the main, leading, prior beginning in this pare of categories. The mean though being extremely necessary for the achievement of the goal and at the same time something secondary and subordinate, sometimes possesses – as in case with the state – significant power, from which it is necessary to protect certain individual as it is seen by liberalism. Liberalism speaks about primacy of the individual over the state, but not over the society. This idea is often confused in the Russian sources where the formula of the priority of human rights over the state is criticized, and the opposition of individual to society but not the state is attributed to it. The government, even democratic, does not carry out the mission of human rights protection “automatically”; civil society shall be mature enough “to stimulate” these activities of the state.

Considering the Western attitude towards the idea of the rights and freedoms of the person and their priority, it is explained why today this idea is not so much spoken in comparison with the Russian political and legal sources.

Keywords: priority of human rights; rights and freedoms of person; liberalism; democracy; state; personality and state; constitutional state; constitutionalism.

References

Abramov M.A. (ed.) *O svobode: Antologiya mirovoy liberal'noy mysli (I polovina XX veka)* [About freedom: Anthology of a world liberal thought (I half of the 20th century)], Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, 696 p. (in Russ.).

Abramov M.A., Gabitova R.M., Fedorova M.M. (comps.) *O svobode: Antologiya zapadnoevropeyskoy klassicheskoy liberal'noy mysli* [About freedom: Anthology of the Western European classical liberal thought], Moscow, Nauka, 1995, 465 p. (in Russ.).

Alekseev S.S. *Tayna i sila prava. Nauka prava: novye podkhody i idei. Pravo v zhizni i sud'be lyudey* [The secret and force of law. The science of law: new approaches and ideas. The law in life and destiny of people], 2nd ed., Moscow, Norma, 2009, 176 p. (in Russ.).

Alland D., Rials S. (gen. eds.) *Dictionnaire de la culture juridique / sous la direct. de D. Alland, S. Rials* [Dictionary of legal culture], Paris, PUF, 2003, 1640 p. (in French).

Andriantsimbazovina J. et al. *Dictionnaire des droits de l'Homme / sous la direct. de J. Andriantsimbazovina et al.* [Dictionary of human rights], Paris, PUF, 2008, 1024 p. (in French).

Andrichenko L.V., Postnikov A.E. (resp. eds.) *Instituty konstitutsionnogo prava* [Institutes of constitutional right], Moscow, Yurisprudentsiya, 2001, 496 p. (in Russ.).

Antiseri D., Mal'tseva S.A. *Printsipy liberalizma* [Principles of liberalism], St. Petersburg, Pnevma, 2006, 128 p. (in Russ.).

Arbuzkin A.M. *Chelovek, ego prava i svobody yavlyayutsya vysshey tsennost'yu?* [The person, his rights and freedoms are the supreme value?], *Konstituts. i munitsip. pravo*, 2016, no. 2, pp. 18-25. (in Russ.).

Aron R. *Esse o svobodakh* [The essay about freedoms], Moscow, Praxis, 2005, 208 p. (in Russ.).

Baghestani-Perrey L. *Fiches de droits constitutionnel* [Chips of constitutional law], Paris, 2007, 598 p. (in French).

Benoist A. de. *Po tu storonu prav cheloveka. V zashchitu svobod* [On the other side of the human rights. For protection of freedoms], Moscow, In-t obshchegumanit. issled., 2015, 144 p. (in Russ.).

Berman H. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [The western tradition of law: forming era], Moscow, Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1994, 592 p. (in Russ.).

Boaz D. *Libertarianstvo: istoriya, printsipy, politika* [Libertarianism: history, principles, policy], Chelyabinsk, Cato Institute, 2004, 391 p. (in Russ.).

Chirkin V.E. (ed.) *Konstitutsiya v XXI veke: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The constitution in the 21st century: comparative and legal research], Moscow, Norma, 2011, 656 p. (in Russ.).

Davidson S. *Human Rights*, Buckingham, Philadelphia, Open Univ. Press, 1993, 212 p.

Dewey D. *Liberalizm i sotsial'noe deystvie* [Liberalism and a social action], M.A. Abramov (resp. ed.) *O svobode: Antologiya mirovoy liberal'noy mysli (I polovina XX veka)*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, pp. 331-384. (in Russ.).

Dictionnaire des idées [Dictionary of ideas], Paris, Encyclopédia Universalis, 2005, 908 p. (in French).

Dvorkin R. *O pravakh vs'er'ez* [Taking the rights seriously], Moscow, Ros. polit. entsikl. (ROSSPEN), 2004, 392 p. (in Russ.).

Favoreu L. (ed.) *Droit des libertés fondamentales / coord. L. Favoreu* [The law of the fundamental liberties], 3 ed., Paris, 2005, 685 p. (in French).

Fukuyama F. *Konets istorii?* [The end of history?], *Vopr. filosofii*, 1990, no. 3, pp. 134-148. (in Russ.).

Gavrilyuk R.A. *Metodologicheskaya traditsiya doktriny estestvennogo prava* [Methodological tradition of the doctrine of the natural law], Chernovcy, Chernovitskiy nats. un-t, 2012, 788 p. (in Russ.).

Godin C. *Dictionnaire de philosophie* [Dictionary of philosophy], Paris, 2004, 1534 p. (in French).

Harouel J.-L. *Les droits de l'homme contre le peuple* [The human rights against the people], Paris, Desclée de Brouwer, 2016, 144 p. (in French).

Hayek F. *Individualizm – istinnyy i lozhnyy* [Individualism – true and false], M.A. Abramov (resp. ed.) *O svobode: Antologiya mirovoy liberal'noy mysli (I polovina XX veka)*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, pp. 385-410. (in Russ.).

Hayek F. *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda. Sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsipov i politiki* [Right, legislation and freedom. Modern understanding of the liberal principles and policy], Moscow, Irisen, 2006, 644 p. (in Russ.).

Humboldt W. *O predelakh gosudarstvennoy deyatel'nosti* [About limits of the state activities], Chelyabinsk, Sotsium, 2009, 304 p. (in Russ.).

Ispolinov A.S. *Sud Evropeyskogo soyuza, Yassin Kadi i st. 103 Ustava OON* [Court of the European Union, Yassin Qadi and Art. 103 of the Charter of the UN], *Ros. yurid. zhurn.*, 2013, no. 6, pp. 27-35. (in Russ.).

Kant I. *Sochineniya. V 6 t. T. 5* [Compositions in six volumes, vol. 5], Moscow, Mysl', 1966, 564 p. (in Russ.).

Klassicheskiy frantsuzskiy liberalism : sbornik [Classical French liberalism: the collection], Moscow, Ros. polit. entsikl. (ROSSPEN), 2000, 591 p. (in Russ.).

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 g. № 6-FKZ, ot 30.12.2008 g. № 7-FKZ, ot 05.02.2014 g. № 2-FKZ, ot 21.07.2014 g. № 11-FKZ [The Constitution of the Russian Federation], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2014, no. 31, art. 4398. (in Russ.).

Lacroix J., Pranchère J.-Y. *Le procès des droits de l'homme. Gènealogie du scepticisme démocratique* [Trial of the human rights], Paris, 2016, 344 p. (in French).

Locke J. *Dva traktata o pravlenii* [Two Treatises of Government], Moscow, Chelyabinsk, Sotsium, 2014, 494 p. (in Russ.).

Maklakov V.V. (comp.) *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv : ucheb. posobie* [Constitutions of the foreign states], 3 ed., augm. and rev., Moscow, BEK, 2002, 592 p. (in Russ.).

Marchenko M.N. *Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo* [Constitutional state and civil society], Moscow, Prospekt, 2015, 648 p. (in Russ.).

Martyshin O.V. *Konstitutsiya i ideologiya* [Constitution and ideology], *Gosudarstvo i pravo*, 2013, no. 12, pp. 34-44. (in Russ.).

Mel'vil' A.Yu. (ed.) *Kategorii politicheskoy nauki : uchebnyk dlya studentov vuzov* [The categories of political science], Moscow, MGIMO(U) MID RF, ROSSPEN, 2002, 656 p. (in Russ.).

Mikhaylov A.M. 2010. *Ideya estestvennogo prava: istoriya i teoriya* [The idea of the natural law: history and theory], Moscow, Yurlitinform, 2010, 460 p. (in Russ.).

Mizes L. *Liberalizm* [Liberalism], Chelyabinsk, Sotsium, 2007, 344 p. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. B.N. Chicherin [B.N. Chicherin], M.A. Abramov (resp. ed.) *O svobode: Antologiya mirovoy liberal'noy mysli (I polovina XX veka)*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, pp. 575-579. (in Russ.).

Osnovy gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v sfere razvitiya pravovoy gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan (utv. Prezidentom RF 28.04.2011 № Pr-1168) [The founds of state policy of the Russian Federation in the sphere of development of legal literacy and sense of justice of citizens], *Ros. gaz.*, 2011, 14 July. (in Russ.).

Pontier J.-M. *Droits fondamentaux et libertés publiques* [Basic rights and civil liberties], Paris, 2007, 622 p. (in French).

Ruggiero G. de. *Chto takoe liberalizm* [What is liberalism], M.A. Abramov (resp. ed.) *O svobode: Antologiya mirovoy liberal'noy mysli (I polovina XX veka)*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, pp. 220-294. (in Russ.).

Semitko A.P. *Kontseptual'noe vvedenie: Pravo, lichnost', prava cheloveka: personotsentristskiy podkhod k pravu i pravovoy kul'ture* [Conceptual introduction: Right, personality, human rights: personotsentrist's approach to the right and legal culture], S.S. Alekseev (resp. ed.) *Prava cheloveka : entsikl. slovar'*, Moscow, Norma, 2009, pp. 25-41. (in Russ.).

Semitko A.P. *Personotsentristskaya pravovaya kul'tura i uroven' svobody v obshchestve: sravnenie razlichnykh podkhodov* [Personotsentrist's legal culture and level of freedom in society: comparison of various approaches], *Kollizii svobody v sovremennoy obshchestve : materialy nauch.-prakt. konf. Gumanit. un-ta (15-16 maya 2003 g.)*, Ekaterinburg, Izd-vo Gumanit. un-ta, 2003, pp. 224-252. (in Russ.).

Semitko A.P. *Razvitie pravovoy kul'tury kak pravovoy progress* [Development of legal culture as a legal progress], Ekaterinburg, Izd-vo Ural. jurid. akad., Izd-vo Gumanit. un-ta, 1996, 314 p. (in Russ.).

Semitko A.P. *Razvitie pravovoy kul'tury kak pravovoy progress. Tipy pravovoy kul'tury i etapy pravovogo razvitiya* [Development of legal culture as a legal progress. Types of legal culture and stages of legal development], *Vestn. Gumanit. un-ta. Seriya «Pravo»*, 2002, no. 1 (3), pp. 44-77. (in Russ.).

Spencer H. *Lichnost' i gosudarstvo* [Man versus the State], Chelyabinsk, Sotsium, 2007, 126 p. (in Russ.).

Stepin V.S., Semigin G.Yu. (gen. eds.) *Novaya filosofskaya entsiklopediya. V 4 t. T. 2* [New philosophical encyclopedia, in 4 vols., vol. 2], Moscow, Mysl', 2010, 634 p. (in Russ.).

Syrykh V.M. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki* [The history and the jurisprudence methodology], Moscow, Norma, INFRA-M, 2012, 464 p. (in Russ.).

Tocqueville A. *Demokratiya v Amerike* [The Democracy in America], Moscow, Progress, 1992, 554 p. (in Russ.).

Vallerstein I. *Posle liberalizma* [After liberalism], Moscow, Editorial URSS, 2003, 256 p. (in Russ.).

Verbar K. *Ponyatie publichnogo poryadka vo vnutrennem prave Rossii i Frantsii* [Concept of a public order of the internal law of Russia and France], *Vestn. Gumanit. un-ta. Seriya «Pravo»*, 2002, no. 1 (3), pp. 4-22. (in Russ.).